

ДВА ПИСАТЕЛЯ, ОДИН КОНТРАКТ...
ОДНА СДЕЛКА!

Поединок сердец

18+

ТЕССОНИЯ ОДЕТТ

Тессония Одетт

Поединок сердец

Серия «Freedom. Феи и корсеты»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74029477
ISBN 978-5-04-246981-7

Аннотация

НИКОГДА НЕ ТОРГУЙСЯ С ФЕЙРИ! И НЕ ПЕЙ ИХ ВИНО!

Писательница Эдвина Данфорт допустила ошибку, нарушив оба правила во время своего первого визита в печально известные земли фейри. Теперь она в ловушке магического пари, которое едва помнит, с мужчиной, которого она предпочла бы забыть. Условия? Тот, кто переспит с наибольшим количеством любовников во время их месячного книжного тура, выигрывает желанный издательский контракт.

Вот только ее привлекательный соперник из мира фейри, Уильям Хейвуд... Мало того, что его внешность так же до невозможности безупречна, как и его послушной список за закрытыми дверями, так у него еще и есть свои причины играть на победу, и он не сдастся без боя. Если, конечно, речь не идет о другом виде поражения. В этом случае он – легкая добыча.

Эдвина и Уильям сталкиваются в романтическом соперничестве. Но что произойдет, когда объектами их желания окажутся... они сами?

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тессония Одетт

Поединок сердец

Copyright © 2024 by Tessonja Odette

All rights reserved

Иллюстратор Tom Arrow

© Серегина Ю., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

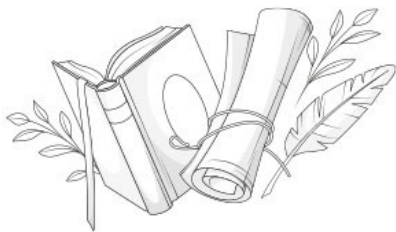
* * *

Часть первая
Сделка ценой в невинность

Часть первая

СДЕЛКА ЦЕНОЙ
В НЕВИННОСТЬ

Глава 1

Я всегда считала, что женщина, обладающая необъятным воображением, ни в чем не будет знать нужды в жизни. Она превзойдет тех, чьи достоинства мимолетны, как, например, остроумие, красота или ученость. Богатейшая женщина в мире, пусть и лишь в собственном разуме.

Сегодня же я была бы рада быть и просто пунктуальной.

Вместо этого я уже час как опаздываю и несусь по улицам Парящей Надежды, а мое настроение ничуть не соответствует столь оптимистичному названию городка.

А ведь утро я начала в прекрасном расположении духа. Разумеется, это было до того, как я проехала свою остановку, высадились на следующей, чудом успев на первый обратный поезд, заблудилась в городе и наконец – роковая моя ошибка – спросила дорогу у блуждающего огонька.

Меня предупреждали об огоньках в памятке для посетителей, куда входил и полезный список опасностей, коих следует избегать человеку на острове Фэйрвэйв. В нем подробно описывалось все – от сделок с фейри до смерти от келпи. Я нашла эти предостережения странно забавными и тут же переработала их в своем блокноте под заголовком *«Четырнадцать способов умереть в Фэйрвэйве: иллюстрированное руководство»*.

О, если бы мой набросок огонька был хотя бы отдаленно точным, тогда, возможно, я бы распознала в том синеватом, подобном пламени, создании то, чем оно было на самом деле.

В свое оправдание могу сказать три вещи.

Во-первых, я предположила, что создание было феей или сильфом. Это же Двор Ветра, в конце концов, и мои исследования о народе фейри уверяют, что блуждающие огоньки чаще всего встречаются при Дворе Огня или Лунном.

Во-вторых, хотя следование за огоньком по болотистой местности и является Способом Умереть Номер Семь из-за риска утонуть, мощенные булыжником улицы и очаровательные витрины, составляющие городок Парящая Надежда,

сулили защиту от упомянутой водной кончины.

И в-третьих, ну что ж, огонек был просто так любезен, что предложил лично проводить меня до места назначения.

После чего он завел меня в глушь, приведя обратно напрямиком к вокзалу, а затем умчался прочь с хихиканьем, прихватив с собой и клочок бумаги с адресом книжной лавки «Полет Фантазии».

Я остаюсь при своем мнении: в памятке следовало быть конкретнее насчет обыденных опасностей, которые несут огоньки, а не только смертельных.

Нетерпение свинцовой тяжестью сжимает грудь, пока я вновь мечусь по знакомым улицам. Мое хмурое лицо – прямая противоположность тому сияющему изумлению, что светилось в моих глазах, когда я впервые ступила в Парящую Надежду. Тогда у меня еще был в запасе целый час, и я не спеша восхищалась витринами, зданиями с двускатными крышами и замысловатой резьбой, выкрашенными в пастельные тона, а также прекрасными людьми – и человеческими созданиями, и фейри – в их элегантных костюмах и модных дневных платьях. Теперь же я ищу лишь уличные указатели.

Я, может, и не запомнила адрес места, куда направляюсь, зато точно помню, что оно находится на Авеню Зловещих Высот. Если я найду ее, то найду и книжную лавку. А если найду книжную лавку, тогда, возможно, у меня еще останется шанс, и я не упущу самую важную возможность в своей

жизни окончательно и бесповоротно.

Вскоре тяжесть моей саквояжной сумки грозит вырвать руку из сустава, и я оставляю попытки нести ее как подбает леди, прижимая к груди. Пока я петляю среди пешеходов, заполнивших тротуары, и ношушь мимо конных экипажей на каблуках, вовсе не предназначенных для ходьбы, моя поступь сменяется на неприглядное ковыляние.

Почему в такой день я выбрала моду вместо удобства – для меня загадка. Имей я хоть каплю здравого смысла, надела бы свои ботинки на низком каблуке, просторную блузу и юбку для прогулок, да еще и шляпку.

Вместо этого я – запыхавшаяся, вспотевшая растрепанная особа, подол моего и без того слишком длинного дневного платья перепачкан в грязи, а мои непослушные каштановые волосы отданы на милость буйным капризам легкого ветра. Не зря же этот край зовут Двором Ветра. К настоящему моменту половина моих прядей выбилась из прически.

Одна особенно непокорная прядь и вовсе обвила собой дужку моих очков. Я бы остановилась, чтобы поправить волосы, но никак не могу позволить себе очередное отвлечение. На сегодня их и так было сверх всякой меры.

Первое случилось в поезде. Я вышла из своего спального купе, чтобы позавтракать в вагоне-ресторане, где меня усадили неподалеку от пары фейри в дорогих одеждах. Я поняла, что они фейри, по заостренным ушам. Не говоря уже о том, что у одной были рога, а у другого – длинный, похожий

на кнут хвост. Несмотря на все усилия, я не могла оторвать от них глаз. И не только потому, что они были фейри. Хотя я еще только привыкаю к виду существ, которые в моих краях не более чем миф, больше всего меня пленяла их красота. Это были двое самых прекрасных существ, каких я когда-либо видела, и чем дольше я ими восхищалась, тем быстрее начинало работать мое воображение. Не успела я опомниться, как уже держала в руках перо, чернильницу и блокнот, позабыв о завтраке, и описывала историю раздирающей душу романтической страсти.

Я назвала персонажей Ханна и Тимоти. Ханна – та, что с рогами, – была хирургом и спасла жизнь Тимоти с хвостом. Они безнадежно влюбились, но их едва зародившиеся отношения были омрачены шокирующим поворотом судьбы: Ханна оказалась бывшей невестой лучшего друга Тимоти! А когда я добралась до любовной сцены... о, я просто знала, что Тимоти сотворит нечто восхитительное своим хвостом...

Именно так я и пропустила свою остановку.

Близкие мне люди всегда говорили, что мое воображение станет моей погубелью. Возможно, они правы, если бы оно же не было причиной моего пребывания здесь. Я получила приглашение на остров Фэйрвэйв благодаря моему воображению. Или, если точнее, книгам, которые оно помогает мне создавать.

Дома, в Бреттоне, я никто. Неизвестная авторша, у кото-

рой за душой почти ничего нет. Но по какому-то чудесному стечению обстоятельств я немного известна здесь, в Фэйрвэйве, на этом фантастическом острове, где люди и феи живут бок о бок. По крайней мере, так мне сказал мой издатель, когда предложил месячный тур в поддержку моей новой книги – первой, которую я написала о персонажах-феири.

Это был мой шанс доказать, что я достойна издательского контракта, который мне предложили. Контракта, между прочим, довольно щедрого, особенно по сравнению с теми грошами, что я получаю в Бреттоне за годы упорного труда. Я надеялась, что этот книжный тур поможет мне получить новый контракт.

И все же с того самого дня, как я покинула дом, мои надежды рушились одна за другой. Ведь сегодняшняя моя оплошность – не первая. Если говорить начистоту, я опаздываю на собственный книжный тур уже на две недели.

На.

Две.

Недели.

Клянусь, во всем, что случилось до сегодняшнего дня, нет моей вины.

Я готова разрыдаться от облегчения, когда наконец замечаю Авеню Зловещих Высот и вижу через дорогу вывеску с названием «Полет Фантазии». Волдыри, украсившие мои лодыжки, вопят от протеста, пока я жду с другими пешехо-

дами подходящей паузы в потоке экипажей. Они вопят еще громче, когда я перебегаю улицу.

Я уже задыхаюсь, когда останавливаюсь у входа в книжную лавку, и, несмотря на нескончаемый поток людей, обтекающих меня, я отбрасываю все притязания и на тщеславие, и на гордость. Опускаю руки, ставлю свою саквояжную сумку на тротуар и с отчаянием выдыхаю:

– Слава богу.

Издали доносится смешок мужчины, которого я до этого не заметила в суете тротуарной возни. Я стою, согнувшись пополам и пытаюсь отдышаться, когда он отталкивается от стены, прислонившись к которой стоял, и с насмешливым видом оглядывает меня с ног до головы.

На вид он мой ровесник или на несколько лет моложе. Мне двадцать девять, так что ему, наверное, примерно... двадцать пять, возможно? Он высок и строен, и в его лихой красоте есть что-то столь безыскусное, что не оставляет сомнений: она подлинна. Его белокурые волосы ниспадают ленивыми локонами на одну бровь. Судя по округлым очертаниям ушей, он человек. Или по крайней мере отчасти. Только чистокровные фейри имеют заостренные уши. На нем серые брюки, подходящий по цвету жилет и криво повязанный галстук. Рукава закатаны до локтей, а руки засунуты в карманы брюк.

В зубах у него зажата сигарилла, но, судя по сладкому цветочно-ванильному аромату, наполняющему воздух меж-

ду нами, он курит не тот приторный табак, что популярен в Бреттоне. Вполне возможно, это какой-нибудь модный табак фейри.

Его близость к книжному магазину наводит на мысль, что он либо покупатель, либо, возможно, клерк, вышедший на перерыв. Или... может быть, он здесь ради меня? Ведь я и пришла в «Полет Фантазии» для этого – чтобы подписывать книги и встречаться с поклонниками.

Мужчина вынимает руки из карманов, переводит взгляд с меня на мою саквояжную сумку и обратно. На его лице вспыхивает обезоруживающая улыбка, обнажающая ямочку на щеке.

– Неужели вы Эдвина Дэнфорт?

Я выпрямляюсь и пытаюсь пригладить волосы, но обнаруживаю, что прядь по-прежнему запуталась в очках.

– Это я, – отвечаю я с таким достоинством, какое только можно сохранить, пока пытаешься дуть на волосы, лезущие в лицо.

Он снова затягивается сигариллой.

– Я уж думал, вы не придете.

– Знаю, что опоздала. Мне ужасно жаль. Вы... здесь из-за автограф-сессии?

Его улыбка становится шире, пока он сокращает расстояние между нами и протягивает свободную руку.

– Монти Филлипс, младший публицист «Флетчер-Уилсон».

– О! – Я с энтузиазмом пожимаю его руку. «Флетчер-Уилсон» – мой издатель в Фэйрвэйве. – Значит, вы отвечаете за тур? Скажите, пожалуйста, что сегодняшняя встреча не отменена.

– Не отменена. – Его улыбка на мгновение меркнет. – Вы получили нашу последнюю телеграмму?

О нет. Только не этот тон. Я не могу отделаться от ощущения, что сейчас услышу дурные вести.

– На корабле, да. Меня уведомили, что тур продолжится по плану и что я пропущу всего два мероприятия: автограф-сессии при Дворе Лета и Морском Дворе.

– Верно, но на прошлой неделе мы отправили дополнительную телеграмму в отель «Гласбич».

У меня екает сердце.

– К тому времени, как я прошла таможду, в «Гласбиче» не было мест. Меня переселили в «Розового лебедя».

– А... – Он потирает лоб. – Что ж, не страшно. Могу сообщить вам сейчас. Хотя мистер Флетчер и решил не откладывать и не отменять тур, он счел разумным использовать пропущенные вами автограф-сессии, а также найти другого автора на случай, если вы так и не появитесь.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать его слова.

– Вы хотите сказать... меня заменили? Но я же здесь. Я проделала такой долгий путь. – Я захлопываю рот, полная решимости не произносить больше ни слова. Внутри под-

нимается знакомое тягостное чувство – верный признак того, что сейчас я ляпну что-нибудь лишнее. Я ненавижу, когда меня понимают неправильно, и изо всех сил стараюсь не оправдываться. Но я уже сто раз убеждалась, что лучше проявить терпение и выражать свои мысли четко, неторопливо и лаконично...

– Я клянусь, что приехала бы вовремя, если бы могла! – Слова вылетают с пулеметной скоростью, и, как ни хочется их проглотить, теперь уже не остановиться. – Я не ожидала кораблекрушения. Хотя назвать это кораблекрушением – преувеличение, признаю. Но на нас и правда обрушился шторм, когда мы пересекали пролив между Бреттоном и Фэйрвэйвом. Наше путешествие затянулось на несколько дней, а когда мы наконец легли на верный курс и достигли острова, то пришвартовались не в том порту. Как вы понимаете, это обернулось кошмаром с прохождением таможи. Я была заперта в каюте почти целую неделю, пока они разбирались с этой путаницей.

– Мисс Дэнфорт...

– И я знаю, что сегодня опоздала, это непростительно. Но это моя вина лишь отчасти.

Он открывает рот, но, кажется, передумывает, ограничившись долгой затяжкой сигариллы.

Слова продолжают литься с моих губ:

– Видите ли, я попросила блуждающий огонек указать дорогу. Умоляю, не читайте мне нотаций – мне уже и без то-

го достаточно совестно. Я была бы здесь на целый час раньше... если бы не заблудилась. А до этого и вовсе планировала прибыть на *три* часа раньше срока. Но потом проехала свою остановку. И это... что ж, тоже моя вина. У меня возникла блестящая идея для нового рассказа, и раз в нем были феири, я подумала, что мистеру Флетчеру может быть интересно новое предложение...

– Мисс Дэнфорт, – на этот раз мистер Филлипс говорит тверже, – вас не заменяют.

Тягостное чувство наконец отпускает мою грудь, и поток оправданий иссякает сам собой.

– Не заменяют?

– Нет. Просто теперь у вас появится спутник по туру. – Он отступает в сторону и указывает на раскладную стойку у входа в книжный магазин. Наверху крупными буквами написано: «Тур “Бьющиеся в унисон сердца”». Ниже – мое имя, Эдвина Дэнфорт, а под ним – другое: Уильям Хэйвуд.

Уголки моих губ дергаются, так и норовя сложиться в недовольную гримасу, но я изо всех сил пытаюсь сохранить на лице подобие улыбки. Как ни задевает мою гордость необходимость делить тур, который должен был быть только моим, это все же лучше, чем полная замена. Я перевожу взгляд с вывески на мистера Филлипса.

На его лице вновь расцветает улыбка с ямочками, словно это должно меня умиротворить. Он с небрежной грацией взмахивает рукой.

– Вы пишете страстные романы, он пишет горько-сладкую поэзию. Вы – пара, созданная на небесах. Как и вы, он – один из новейших и ярчайших авторов «Флетчер-Уилсон».

Что ж, мне приятно быть среди «новейших и ярчайших», даже если эту славу мне придется делить с каким-то Уильямом Хэйвудом. Я снова изучаю вывеску, вслух зачитывая название:

– Тур «Бьющиеся в унисон сердца».

Мистер Филлипс поднимает мою сумку с земли и кивает по направлению к двери.

– Внутри вас ждут экземпляры вашей книги, которые вы будете подписывать. Готовы?

Это вновь наполняет меня чувством гордости, принося с собой искру волнения. Я еще даже не видела свою новую книгу и никогда не подписывала экземпляры для кого-то, кроме членов семьи.

Это самый важный день в моей жизни. Я справлюсь. И смогу... разделить свой тур. Ведь я ничего не теряю. У меня уже есть издательский контракт. Что может случиться?

Делаю глубокий вдох.

– Я готова.

Кивнув, мистер Филлипс поворачивается к книжному магазину – но тут же резко разворачивается обратно ко мне. Хмурясь, он указывает пальцем на свою щеку рядом с глазом.

– Может, вам стоит...

Я лишь моргаю, прежде чем до меня доходит, что он изображает. Только тогда я вспоминаю о волосах, все еще обвиняющих дужку моих очков.

– Ах да. – Я становлюсь пунцовой и высвобождаю запутавшиеся пряди, в процессе вырвав несколько волосков прядиком с кожи головы.

Надевая очки, я замечаю, как Монти Филлипс качает головой, явно развлекаясь. Он снова затягивается сигариллой, а затем бросает окурок в небольшую металлическую пепельницу у двери. Подмигнув, он произносит:

– Похоже, это будет весьма интересный тур, мисс Дэнфорт.

Глава 2

Я следую за мистером Филлипсом внутрь книжного магазина и тут же замираю на пороге. Все те чувства благоговейного восторга, что я позабыла в своей лихорадочной погоне за целью, возвращаются ко мне сторицей. Интерьер лавки не похож ни на что, виденное мною прежде.

Снаружи «Полет Фантазии» выглядел как любое другое заведение: двухэтажный кремовый фасад, зелено-белый полосатый навес. Я была слишком поглощена своими мыслями, чтобы даже разглядывать витрины. Но теперь «Полет

Фантазии» завладел всем моим вниманием безраздельно.

Интерьер выдержан в бело-голубых тонах, напоминающих дневное небо, а высокие потолки скрывают исполинских размеров книжные полки, что вызывает у меня удивление и восторг. Деревянная лестница ведет на антресольный второй этаж, который настолько заполнен посетителями, что я не могу разглядеть, что там находится.

Воздух полнится гомоном голосов, смешанным с запахом бумаги и чая – последний доносится из небольшой кофейни в глубине первого этажа. Движение у ближайшей стены привлекает мой взгляд: книга сама собой соскальзывает с одной из высоких полок. Сердце ускоряет ритм в ожидании падения, но она снижается медленно и грациозно. Корешок и обложка раскрываются и, к моему удивлению, начинают хлопать, словно крылья, в то время как страницы нежно шелестят, и книга наконец перелетает с полки на прилавок.

За прилавком стоит женщина-фейри с голубой кожей и волосами цвета нежной лазури, которые колышутся в такт ветру, что я не ощущаю. Она прекрасна и одета именно так, как мне бы хотелось: в белую блузу, голубую юбку и жилет в тон. Она протягивает руки, и летящая книга опускается на ее ладони, замирая, едва коснувшись их.

– Это Арвен.

Я вздрагиваю от звука голоса Монти Филлипса. Я была так очарована, что почти забыла о присутствии публициста.

– А?

– Она владелица «Полета Фантазии». Сильфида. Она использует свою магию воздуха и создает иллюзию, будто книги зачарованы, когда снимает их с полок для покупателей.

Я разглядываю женщину-фейри новым взглядом. Так вот как выглядит сильфида. Ее, наверное, оскорбило бы, узнай она, что сегодня я приняла блуждающий огонек за ее сородича. То синеватое пламеподобное создание, что сбило меня с пути, ни капли не похоже на эту антропоморфную красоту за прилавком. С другой стороны, в памятке для посетителей я читала, что большинство фейри могут переключаться между двумя физическими формами – теми, что они называют «благими» и «неблагими».

Благая форма фейри – это воплощение, созданное по подобию человеческого облика, в то время как неблагая часто принимает вид животного, духа или стихии. Большинство моих встреч были с фейри в благой форме, так как те, кто предпочитает неблагой облик, обычно обитают в диких землях. С тех пор как я сошла с корабля, доставившего меня в Фэйрвэйв, я побывала лишь в трех местах: портовом городке, поезде и... здесь. Так что мой опыт общения с народом фейри в целом весьма ограничен.

– Монти, а это кто?

Еще один голос отвлекает мое внимание от сильфиды, на этот раз женский. Но когда я оглядываюсь перед собой, то не могу найти его источник.

– А, Дафна, ты здесь, – говорит мистер Филлипс, опустив

взгляд к полу.

Я следую за его взглядом и замечаю маленькое пушистое создание, уставившееся на меня. Не успев опомниться, я вскрикиваю и отскакиваю на шаг назад.

– Грубовато, но ладно, – раздаётся женский голос.

Я моргаю, глядя на существо. Голос донёсся именно оттуда, но я не увидела никакого движения рта, которое указывало бы на то, что это животное говорило. И... что это вообще за зверь? Что-то вроде хорька? Оно размером с домашнюю кошку, но формой напоминает вытянутую лису с выгнутой спиной, маленькими треугольными ушами и длинным пушистым хвостом. Шерсть серо-коричневая, но с кремовым горлом и брюшком.

Мистер Филлипс фыркает, пытаясь превратить этот звук в кашель.

– Даф, это Эдвина Дэнфорт.

– А, наша сильно опаздывающая авторша, соблаговолившая явиться.

– Мисс Дэнфорт, это Дафна, стажер в «Флетчер-Уилсон».

– Стажер, – повторяю я. Щеки пылают от стыда, и я поворачиваюсь к существу по имени Дафна. – Прошу прощения. Вы просто напугали меня. Вы – первая представительница рода фейри в неблагом облике, с которой я встречаюсь.

– Очевидно, вы также никогда не видели лесную куницу, – говорит она тоном низким, ровным и лишенным всякого веселья. И снова голос возникает будто из самой ее сущности,

хотя ее рот остается неподвижным. Должно быть, это магия фейри позволяет ей общаться без помощи губ или голосовых связок.

– Не видела, – говорю я, отчаянно пытаюсь исправить ужасное первое впечатление. Я переминаюсь с ноги на ногу, не зная, будет ли более уважительно присесть и говорить с ней на уровне глаз. Но раз мистер Филлипс остается стоять, я поступаю так же.

– Это весь ваш багаж? – спрашивает мистер Филлипс, указывая на мою саквояжную сумку, которую он по-прежнему несет. – Или остальное вы сдали на хранение на вокзале?

– Второе, – отвечаю я.

– Тогда я оставлю вашу сумку за стойкой и съезжу за остальным, пока вы устраиваетесь. Ты справишься с автограф-сессией, пока меня нет, Дафна?

– Это твой способ улизнуть на очередной перекур? – говорит Дафна тем же безразличным монотонным голосом, каким говорила со мной. Возможно, это просто ее обычная манера речи? Я бы предпочла, чтобы дело было в этом, а не в том, что я ее действительно обидела.

Он усмехается.

– Проводи ее наверх, ладно, Даффи-дорогуша?

Она фыркает, но устремляется к лестнице.

– За мной, мисс Дэнфорт.

Я с опозданием слеую за ней, устремив взгляд на антресоли и толпу, собравшуюся за дубовым ограждением. Логич-

но, что автограф-сессия проходит именно там. Судя по всему, она уже началась.

Мой спутник по туру, скорее всего, уже здесь. Он, разумеется, прибыл вовремя, в отличие от меня.

Тревога щекочет грудь при мысли, что мне предстоит предстать перед всеми этими незнакомцами, не говоря уже о собрате-авторе, но я изо всех сил стараюсь отдышаться и прогнать волнение.

Пока Дафна бесшумно взбегаёт по лестнице, мое восхищение от встречи с первым фейри в неблагом облике возвращается.

Вопросы жгут язык, и я изо всех сил стараюсь удержать их в голове, не произнося вслух. Но мне нестерпимо хочется знать. Есть ли у Дафны фамилия или мне действительно следует обращаться к ней по имени, как это делал мистер Филлипс? Всегда ли она пребывает в неблагом облике? Есть ли у нее человеческая форма или она из тех фейри, что предпочитают никогда не меняться? Мягкая ли у лесной куницы шерсть? Позволит ли она мне себя погладить или это будет самое оскорбительное, что я могу...

Я сдерживаю писк, когда мои неудобные туфли цепляются за кружевной подол слишком длинной юбки. Я спотыкаюсь, но успеваю ухватиться за перила, прежде чем упасть. Черт бы побрал это платье и все его кружевные слои.

Мои очки сползают на нос, пока я выпрямляюсь. Подталкиваю их на место и привожу себя в порядок, но, к мое-

му унижению, я привлекла внимание группы посетителей у верхних перил. Я выдавливаю натянутую улыбку и продолжаю подъем. Дафна уже достигла верха, где юркнула между ног и подолов многочисленных гостей, пока не скрылась из виду.

Я не пытаюсь догнать ее и не спеша поднимаюсь на верхнюю ступень. Оказавшись там, осматриваю антресоль. Стены выкрашены в те же сине-белые тона, что и внизу, но книжные полки здесь лишь по грудь. Потолок арочный, опутанный гирляндами шарообразных огней. Их сияние куда ярче газового освещения, привычного мне в Бреттоне. Фэйрвэйв славится использованием электричества, питаемого от линий магии фейри, что пронизывают остров. Над гирляндами порхают десятки сложенных бумажных птиц. Если летающая книга, виденная мной внизу, была иллюзией, созданной магией воздуха, то бумажные птицы, должно быть, действительно зачарованы.

Что-то цепляет мой подол. Я опускаю взгляд и вижу Дафну, сидящую на задних лапках; ее когтистая лапа тянет мою юбку.

– Идемте. Ваш стол вон там.

Она пронесится сквозь толпу, и на этот раз я пытаюсь не отставать. Именно *пытаюсь*, ибо она мала и проворна, тогда как я невысока, но все же имею человеческие габариты среди моря фигур, кажущихся на голову выше меня. На меня никто не обращает внимания, пока я петляю между ними, – все

либо поглощены беседой с соседями, либо устремили взоры вглубь зала с нетерпеливым оживлением на лицах.

Подавляющее большинство посетителей выглядят как обычные люди – мужчин и женщин примерно поровну. Однако то тут, то там мелькают остроконечные уши, неестественно яркие волосы или кожа, попадаются звериные черты вроде усов или изящных рогов. Четкого разделения не чувствуется. Примерно половина гостей, судя по всему, терпеливо ждет своей очереди пройти вглубь зала, в то время как остальные просто прогуливаются без особой цели.

Впервые вижу такую оживленную и приятную атмосферу в книжном магазине. Полагаю, это также первый раз, когда я присутствую на автограф-сессии. Я настолько под впечатлением, что почти не замечаю книги, которые держат в руках многие из собравшихся, – том в зеленом тканевом переплете с золотым тиснением.

Неужели это...

Моя книга?

Они ждут *меня*?

Вероятнее всего, они ждут моего спутника по туру – того самого автора, который уже здесь. Но от этой мысли воодушевление спадает.

И все же мысль о встрече с читателями заставляет меня пробираться к дальнему концу зала с меньшей робостью, бормоча извинения тем, кого я задеваю в спешке. Чем ближе я подхожу, тем плотнее становится толпа. Теперь я уже не

могу просто проскользнуть между группами людей и вынуждена решительно похлопывать тех, кто впереди, по плечу и вежливо просить их посторониться. В ответ на недовольные взгляды я поясняю:

– Я тот самый второй автор. Мне нужно пройти к своему столу.

Меня встречают нахмуренные брови, а после неохотное согласие. Мой голос уже почти охрип от постоянного повторения этой фразы, когда передо мной наконец оказывается всего несколько человек, заслоняющих два стола, которые я едва различаю впереди. Столы стоят между книжными шкафами, занимающими пространство от стены до стены, и единственный способ попасть за них – через промежуток между ними. Промежуток, который полностью перекрыт.

Я перевожу взгляд с трех беседующих джентльменов слева на высокую женщину справа. Если бы кто-то из этих четверых сдвинулся на несколько дюймов в ту или иную сторону, я могла бы проскользнуть и достичь цели. Выбрав женщину, я тянусь к ее плечу, готовясь похлопать по нему, но, прежде чем моя рука касается ее, она наклоняется вперед, оставив мои пальцы в воздухе.

– Вы подпишете и это? Это для моей сестры. – Женщина достает из сумки на полу экземпляр зелено-золотой книги. Затем еще один. – И это? Для моей кузины.

Кажется, она добавляет к стопке и третью книгу, но я не могу быть уверена, потому что все мое внимание поглотил

мужчина, сидящий за столом. Он высокий, но не в том смысле, в котором почти все кажутся высокими по сравнению со мной. Даже сидя и слегка отклонившись в позе, излучающей ауру небрежной грации, он явно на голову выше меня. Его плечи широкие, подчеркнутые его изумрудно-шалфейным костюмом. Кремовый шелковый галстук слегка ослаблен, обнажая мышцы на его шее и углы решительно мужественного подбородка.

Затем я смотрю на его волосы. Растрепанная укладка наводит на мысли о постельной неге, но при этом они столь аккуратны, что кажется, будто каждая непокорная прядь была уложена с ювелирной точностью. Их оттенок настолько темный, что не поймешь, темно-серые они, иссиня-черные или с фиолетовым отливом. Они ниспадают на заостренные кончики его ушей – ушей, украшенных множеством золотых сережек, от шпилек до каффов и изящных колечек.

Мой взгляд опускается на его глаза – оттенка столь невыносимо-синего, что я готова расплакаться.

Это Уильям Хэйвуд? Поэт? Мой спутник по туру?

Я не знаю, то ли ликовать, то ли завидовать. Неудивительно, что на антресоли так многолюдно. Все они здесь, чтобы увидеть *его*, это... чертово произведение искусства.

Женщина передо мной наконец выпрямляется, ее стопка книг теперь по грудь. Я трясусь головой, чтобы прочистить мысли, и снова готовлюсь хлопнуть ее по плечу. Несмотря на минутное отвлечение, мне удалось лучше разглядеть

свой стол. Даже сейчас я замечаю, как за тремя все еще беседующими джентльменами растет стопка книг в лиловых обложках и крошечная лапка с коготками, что их туда ставит. Должно быть, Дафна распаковывает ящик с моими книгами. Прежде пустой стол, несомненно, красноречиво говорит о том, насколько мой издатель не верил в мое появление сегодня.

Я прочищаю горло и наконец похлопываю женщину по плечу. Она игнорирует меня. Снова похлопываю ее по плечу, но тщетно. Женщина продолжает без умолку болтать с мистером Хэйвудом. Мне уже не видно его из-за нее, но его глубокий баритон долетает до моего уха, когда он издает заинтересованные звуки, слышно шуршание его пера по бумаге.

С раздраженным вздохом я поворачиваюсь к трем мужчинам.

– Прошу прощения, – говорю я, похлопывая ближайшего по плечу.

Он отодвигается в сторону, но вместо того, чтобы повернуться ко мне, поворачивается к моему столу. Его внимание приковывает стопка книг. Взяв верхнюю, он вслух зачитывает название:

– «Гувернантка и фейри».

Мое сердце замирает в груди, когда я слышу, как вслух произносят название моей книги. Мне так нестерпимо хочется увидеть обложку, впервые подержать ее в руках. Я под-

бираюсь ближе к мужчине, готовая при необходимости протолкнуться между двумя столами.

Как раз в этот момент мужчина с моей книгой поворачивается к поэту. Я отскакиваю в сторону, чтобы не столкнуться с ним, и натываюсь на другого человека. Девушка с горой книг исчезла, но ее место заняла следующая женщина.

– Простите, я была первой, – говорит она, мечта молнии глазами в мою сторону.

Я развожу руками.

– Нет, вы не поняли...

– Это одна из ваших? – спрашивает мужчина, держащий мою книгу.

Я бросаю женщину и поворачиваюсь к нему, на лице расплывается сияющая улыбка.

– Что ж, да...

– Безусловно, нет, – говорит мистер Хэйвуд.

Мой рот захлопывается. Мужчина обращался к поэту, а не ко мне.

Мистер Хэйвуд откидывается на спинку стула, на его губах играет кривая усмешка.

– «Гувернантка и фейри», – произносит он насмешливым тоном. – Вы думаете, я стал бы писать подобную похабщину и чепуху?

Мужчина усмехается и, не удостоив книгу и взглядом, швыряет ее обратно на стол.

Ярость раскаляет мои щеки, пока троица мужчин нако-

нец не удаляется, оставив мою драгоценную книгу брошенной рядом со стопкой, которую Дафна так старательно выстраивала. Я сжимаю пальцы в кулаки, провожая их взглядом. Не могу понять, что перевешивает: обида, унижение или ярость.

– Вы следующая? – Глубокий голос разрывает в клочья все мои нервы.

Я поворачиваюсь и понимаю, что все еще стою перед мистером Хэйвудом, а девушка рядом со мной буквально рычит от нетерпения.

Фейри-поэт поднимает на меня взгляд, его перо замерло над пустым местом на титульной странице его книги. Он кокетливо склонил голову набок, а на губах играет соблазнительная улыбка.

– И кто же вы, дорогая?

– Эдвина Дэнфорт.

Он опускает взгляд на страницу и начинает выводить мое имя. Я проскальзываю между двумя столами и опускаюсь в свое кресло с той грацией и сдерживаемой дрожью, что присущи богине, жаждущей возмездия.

Он хмурится, перо замирает, а затем он медленно встречает мой взгляд.

Я воздеваю подбородок, подбираю брошенную книгу и аккуратно кладу ее поверх стопки.

– Автор похабщины и чепухи.

Глава 3

Надо отдать Уильяму Хэйвуду должное – или, возможно, поставить это ему в укор, – он быстро оправляется от удивления, узнав, кто я. Не выходя ни капли смущенным, он закрывает книгу с моим наполовину выведенным именем, отодвигает ее в сторону и обращает ту же соблазнительную улыбку, что сияла мне, на следующую девушку.

– Я отлучаюсь вниз на какие-то три минуты, и все тут же забывают, как надо стоять в очереди, – раздается голос Дафны рядом со мной. Ее гибкое тельце лесной куницы скрыто

деревянным ящиком, откуда она крошечными лапками достает еще книги и выкладывает их на стол. Я помогаю ей, пока коробка не опустеет, а затем мы распаковываем второй ящик. После этого Дафна вручает мне перо и два чернильных набора.

– Пока должно хватить. Я посмотрю, что можно сделать с организацией очереди. Снова.

Не говоря больше ни слова, она убегает. Жаль, что она не навела порядок в толпе до того, как меня оттолкали да еще и оскорбил высокомерный фейри.

Я не могу перестать кипеть от его комментария. Похабщина и чепуха. Моя драгоценная книга. То есть похабщину я люблю. Похабщина – это прекрасно. Но чепуха?

Чепуха?!

С раздраженным вздохом я отодвигаю стул вправо и выстраиваю все свои книги слева от стола, взгромождая их так высоко, как только осмеливаюсь, чтобы возвести стену между мной и мистером Хэйвудом. Конечно, стоило мне лишь откинуться на спинку стула – и он оказывался прямо перед глазами. Но моя хлипкая крепость из книг все же давала призрачное чувство защищенности. Осязаемый барьер, который удержит меня от того, чтобы подойти к нему и треснуть томиком по голове.

В довершение всех оскорблений к моему столу еще не подошла ни одна душа, хотя толпа приняла более организованную форму и я теперь прекрасно видна. Многие из тех, кто

раньше слонялся без дела, ушли вниз, и на лестнице теперь выстроилась ровная очередь. Судя по отрывистым вскрикам, которые я время от времени слышу, не удивлюсь, если Дафна кусает посетителей за лодыжки, чтобы заставить их подчиняться ее указаниям.

И все же... неужели никто не пришел ради меня?

Мое сердце опускается, притупляя досаду и сменяя ее разочарованием.

Я со вздохом снимаю верхнюю книгу с одной из моих стопок и наконец как следует разглядываю тканевую обложку. Она прекрасного оттенка лилового, с розовато-золотым тиснением, образующим цветочную рамку вокруг названия: «Гувернантка и фейри». Мягкая улыбка трогает мои губы, пока я кончиками пальцев провожу по узору из роз, листьев и шипов, а затем касаюсь каждой буквы, из которых сложено мое имя под заглавием. Это и правда самая красивая обложка из всех, что были на моих книгах, забота и качество воплотились в каждой линии тиснения, в каждом стежке переплета.

Моя гордость растет, поглощая все неприятные эмоции.

Вот зачем я здесь.

Вот почему я делаю то, что делаю.

И подумать только – я отправила эту книгу в «Флетчер-Уилсон» просто наобум!

Мне нечего было терять, учитывая, что мой издатель в Бреттоне и слышать не хотел о рукописи с фейри в качестве

любовного интереса. Я не ожидала такого пренебрежения, но я часто забываю о напряженности, существующей между Бреттоном и Фэйрвэйва. Прошло всего двадцать четыре года с окончания последней войны между людьми и фейри. После того как фейри отвоевали независимость от власти Бреттона, они ввели строгие правила на границах Фэйрвэйва, что повлияло на иммиграцию и торговлю.

По крайней мере, именно это я прочитала в своей памятке для посетителей.

До того как попасть сюда, я вообще мало что знала о фейри. Детей в Бреттоне учат только тому, что написано в учебниках истории. Нам рассказывают, что Фэйрвэйв – единственное место в мире, где обитают фейри, и что люди давным-давно открыли этот остров и его необычных обитателей. Нас учат, что люди и фейри когда-то были друзьями. Что фейри приняли благой облик, отведав человеческой пищи, облачившись в человеческую одежду и выучив человеческий язык. Затем нам рассказывают о войнах между людьми и фейри, последняя из которых объединила людей и фейри, живущих в Фэйрвэйве, под властью фейри.

Хотя люди здесь находятся под защитой и, кажется, процветают, посещения острова редки – отсюда и хаос, возникший, когда мой корабль пришвартовался не в том порту, – а иммиграция и вовсе большая редкость.

Мне повезло оказаться здесь.

Повезло получить этот контракт.

Повезло держать в руках эту великолепную книгу.

Я открываю книгу на титульной странице. Затем перелистываю на следующий разворот, где красуется иллюстрация на две страницы – настолько потрясающая, что у меня перехватывает дыхание. Наклонившись вперед в кресле, я поправляю дужку очков и изучаю каждый великолепный сантиметр художественного произведения. Мне говорили, что в книге будут иллюстрации, но одно дело – слышать об этом и совсем другое – видеть их.

На рисунке изображена самая захватывающая сцена из книги – момент, когда гувернантка и порочный фейри поддаются своей страсти в зачарованном саду. У мужчины-фейри длинные струящиеся волосы, расстегнутая рубашка и мускулатура, от которой у меня текут слюнки, в то время как гувернантка смотрит на своего любовника снизу вверх, ее тело безвольно и податливо в его объятиях, а рукава ее нижней сорочки соскальзывают с плеч...

– Они сейчас займутся *этим*, не так ли?

Я захопываю книгу, но это всего лишь Дафна, чей голос раздается у меня за спиной. Я не заметила, когда она запрыгнула на спинку моего стула.

– Эй, я же смотрела.

Она по-прежнему говорит тем же безразличным монотонным голосом, так что я не могу понять, серьезно она или нет.

Я поворачиваю голову через плечо и встречаю ее маленькие темные глаза.

– Ты читаешь любовные романы?

– Чем страстнее, тем лучше. А, вот и они.

Она указывает мордочкой на другую сторону стола. Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть группу молодых человеческих женщин, приближающихся к столу; во главе их – пышная красавица на несколько лет моложе меня. Все они одеты в дневные платья еще более экстравагантные, чем мое, их волосы уложены в популярные прически, а на шляпках – шелковые цветы по краям. Они выглядят так, будто скорее готовы отправиться в церковь, чем на обычную прогулку в книжный магазин.

Лидерша останавливается перед моим столом, прижав руки к губам. Она смотрит на меня, и в ее глазах блестят слезы. Когда она заговаривает, ее высокий голос дрожит.

– Вы... вы Эдвина Дэнфорт.

– Это я, – говорю я, выпрямляясь.

Женщина наконец убирает руки ото рта.

– Это правда вы?

– Правда.

– Вы мой самый любимый автор!

Сердце подскакивает к горлу. Я никогда раньше не слышала этих слов.

– Правда?

– Да!

– Я?

– Да!

Мне хочется спросить, уверена ли она, но ее восторженный визг подтверждает это. Он также привлекает внимание тех, кто стоит в очереди у соседнего стола. Мужчина-фейри с зелеными волосами и в цилиндре брезгливо кривится при виде зрелища, которое устраивает моя рыдающая поклонница.

Я не могу быть более счастлива.

– Они были здесь раньше, – говорит Дафна, спрыгивая со спинки моего стула на стол. – Ты еще не прибыла, поэтому они ушли. Я нашла их в соседней кондитерской. Посмотрю, смогу ли найти остальных, кто надеялся тебя увидеть. Возможно, они еще где-то рядом.

Она спрыгивает на пол и несется к лестнице.

Здесь и правда были люди, желавшие видеть *меня*.

С торжествующей улыбкой поднимаюсь со стула. Уильям Хэйвуд появляется в поле зрения поверх моей стены из книг. К моему великому удовольствию, он наблюдает за мной с приподнятой бровью. Я отказываюсь встречаться с ним взглядом.

С преувеличенными движениями я открываю чернильницу, эффектно встряхиваю пером и обращаюсь к своей читательнице:

– Могу я что-нибудь для вас подписать?

– Пожалуйста, – говорит она, обмахивая заплаканные щеки. Она поворачивается к подругам, которые передают ей книги, связку за связкой. Мои глаза расширяются, когда она

раскладывает их на столе. Не потому, что их так много, а потому, что это не просто несколько экземпляров моей новой книги, как та девушка принесла раньше мистеру Поэту-Засранцу. Это экземпляры каждой книги, которую я когда-либо напечатала и опубликовала.

Но только моя новая книга была опубликована в Фэйрвэйве. Предыдущие работы выходили только в Бреттоне.

Я смотрю на нее в изумлении.

– Как вы раздобыли все эти книги?

Она сияет мне в ответ.

– Несколько я нашла в отдельных книжных магазинах на острове, которые специализируются на импорте, но за большинство пришлось заплатить бешеные деньги, заказывая по почте из Бреттона. У меня ушла добрая часть года, чтобы собрать их все.

– Но... как вы вообще обо мне узнали? – Моя новая книга вышла совсем недавно. Как же она собирала мои книги целый год?

– В книжном клубе королевы Джеммы, конечно же.

– Книжный клуб королевы Джеммы? – переспрашиваю я. – Что это?

Ее глаза округляются.

– Вы не знаете о нем? Королева Джемма – ваша самая большая поклонница. Она восхваляет ваши книги еще с тех пор, как вышла замуж за Неблагого Короля Зимы.

– Король... Вы хотите сказать, что королева Джемма –

настоящая королева? Это не просто... милое прозвище? Она настоящая, живая королева, которой... которой нравятся мои книги?

– Именно! И она ведет книжный клуб в виде ежемесячного журнала. Она выбирает книгу месяца, мы читаем ее вместе и присылаем письма со своими мыслями. Она публикует некоторые из наших отзывов, а двенадцать участников клуба выбираются случайным образом, чтобы присоединиться к ней на личную встречу каждый месяц. До сих пор клуб прочитал половину серии «Гувернантка в любви». Осмелюсь сказать, мы бы прочитали их все, если бы она не пыталась быть справедливой и уделять внимание другим авторам. Но она вас просто обожает!

Я падаю на стул, мои колени больше не в силах удерживать меня. Королева. Настоящая королева – моя самая большая поклонница, и она продвигает меня уже больше года. Я... Я с трудом осознаю эту новость.

Когда мой издатель написал мне с предложением об организации книжного тура и сообщил, что я *немного известна* на острове, я подумала, что он имеет в виду популярность моей новой книги. Я и понятия не имела, что уже успела создать себе имя здесь своими предыдущими работами. Скучные роялти, которые я получаю в Бреттоне, никоим образом не намекали на рост продаж моих книг. Мой прежний издатель определенно не обращался со мной так, как будто ко мне возрос спрос.

С ним всегда была война: каждая продажа – это жаркие переговоры, которые всегда заканчиваются тем, что я получаю меньше, чем заслуживаю, после чего следует его непрошенный совет, что мне стоит подумать о написании *высокой литературы* или чего-то ориентированного *на образованного мужчину-читателя*.

Подонки забывают, что я действительно написала литературное произведение, а он отказался его публиковать, поскольку я не согласилась выпустить его под мужским псевдонимом.

Я смотрю на разложенные передо мной книги, комок подступает к горлу, и я впервые испытываю чувство, что мою работу глубоко ценят.

– С вами все в порядке, мисс Дэнфорт? – тихо спрашивает женщина, она выглядит обеспокоенной. – Я надеюсь, что никак вас не расстроила.

– Нет, конечно нет! – Я трясую головой, чтобы прийти в себя. – Все как раз наоборот. Я просто так тронута.

Мне удастся снова подняться на ноги. Поэт-засранец снова оказывается в поле моего зрения, и я чувствую, как он на меня смотрит. На этот раз я встречаю его взгляд и удерживаю его с торжеством.

Ну и кто теперь пишет чепуху, самодовольный придурок?

Я напрасно надеялась, что он наконец почувствует неловкость. Вместо этого уголок его губ изгибается в усмешке, что странным образом ощущается как вызов.

Стиснув зубы, я всецело обращаюсь к своей дорогой читательнице и горе ее книг, ожидающих автографов. Одарив ее самой широкой и искренней улыбкой за весь день, я спрашиваю:

– Назовите же свое имя, мой книголюбивый друг.

Глава 4

Спустя еще два часа толпа поредела, и конец очереди наконец становится виден. Очереди Уильяма Хэйвуда, разумеется. У меня самой так и не образовалось хоть сколько-нибудь значительной очереди. На самом деле к моему столу подошли всего несколько читателей, но каждое такое взаимодействие было искренним, сердечным и лестным для моей гордости. Этого достаточно, чтобы не слишком завидовать непрерывному потоку поклонников мистера Хэйвуда. К тому же недостаток внимания ко мне дает идеальную возмож-

ность украдкой снять туфли и потереть ноющие ноги.

Мысль о том, чтобы снова надеть туфли, вызывает у меня ужас. На данном этапе я буду счастлива никогда больше их не носить. Возможно, мне удастся походить босиком, пока я не воссоединюсь с багажом, который мистер Филлипс забрал с вокзала. Я почти не видела ни публициста, ни Дафну в течение последнего часа. Я запускаю руку в карман платья и достаю свои латунные карманные часы. Без четверти три. Считанные минуты – и автограф-сессия официально завершится.

В антресоли остался лишь один читатель, и как только он покинет стол мистера Хэйвуда, здесь останемся только я и Поэт-Засранец. Я решаю, что лучше быть занятой, когда это случится, и принимаюсь упаковывать оставшиеся книги в два ящика. Я продала всего пять экземпляров, поскольку у большинства моих поклонников уже был образец «Гувернантки и фейри».

Последний посетитель прощается с мистером Хэйвудом, и его шаги затихают на лестнице.

Тишина, воцарившаяся после, заставляет мою кожу покрываться мурашками. Я с головой погружаюсь в перекладывание книг в ящике, производя куда больше шума, чем необходимо.

Даже несмотря на мою намеренную отвлеченность, невозможно не услышать звуки движений мистера Хэйвуда, когда он поднимается со стула. Каждая клеточка моего тела ощу-

щает его шаги и смещение его тени, когда он прислоняется к краю своего стола.

– Я правда не ожидал, что вы появитесь.

Я вздрагиваю. И это он так меня приветствует? Без формального представления? Без *«Простите, я повел себя как осел и произвел отвратное первое впечатление. Мне вовсе не следовало оскорблять труд всей вашей жизни, называя его похабщиной и чепухой. Давайте начнем сначала»*? Я знаю, что большинство фейри менее церемонны, чем люди. Черт, у некоторых даже фамилий нет, а это один из главных столпов формальности в человеческом обществе. Но я бы приняла даже неформальное приветствие без обиды.

Я наконец заставляю себя поднять на него взгляд. Улыбаюсь холодно, часто взмахивая ресницами.

– Надеялись, что я позволю вам полностью увести мой тур?

– Именно. – Его поза расслаблена, лодыжки скрещены, руки опираются о край стола по бокам от бедер. Свет от гирлянд сияющих лампочек, пересекающих потолок над ним, играет на его золотых серьгах. Я замечаю, что на правом ухе их больше, чем на левом, вопреки всякому чувству симметрии.

Ох, кажется, я пялюсь на него. Трясу головой и перевожу взгляд на свое перо и чернильницы, которые кладу в ящик.

– То есть признаёте.

Он пожимает плечами.

– Тур изначально должен был быть моим. Я был здесь. Я пришел.

Внутри все сжимается от приступа знакомой неуверенности – того самого чувства, что заставило меня оправдываться перед мистером Филлипсом. Но сейчас я успеваю поймать себя, не давая словам вырваться наружу, и отвечаю с ледяной сдержанностью:

– Что ж, теперь я здесь. Так что не устраиваетесь слишком уж удобно.

– О, не думаю, что моему комфорту что-то угрожает. Я, возможно, немного беспокоился, когда вы только появились, но в итоге вы не представляете никакой конкуренции.

От его слов у меня пылают щеки. Я вскакиваю на ноги и поворачиваюсь к нему, упирая руки в бока.

– Нет, мистер Хэйвуд, я вам не конкурент. Мы пишем в разных жанрах. У нас разные читатели. Но по какой-то идиотской причине нас заставили делить этот тур. *Мой* тур. Вам вообще повезло, что вас к нему подключили, так что советую спуститься с небес на землю и поблагодарить меня за опоздание и честь находиться в моем обществе.

Его лицо замирает на секунду, а затем уголок губ приподнимается. Может, мне показалось, но он выглядит почти впечатленным. Или, возможно, просто развлекается. Но чем шире становится его усмешка, тем сильнее мне хочется поежиться. Она слишком уж похожа на ту соблазнительную ухмылку, с которой он меня встретил. А потом он щедро разда-

вал ее всем подряд – одному гостю за другим. Должно быть, у него болят скулы от удержания этой бесконечной наигранной маски. Не понимаю, как я могла вначале счесть это выражение лица хоть сколько-нибудь ослепительным.

Хотела бы я сказать, что теперь, познав его истинную натуру, я считаю его менее привлекательным, но он по-прежнему подобен произведению искусства. Возможно, портрету дьявола, но прекрасному. Я не могу не ощущать контраст между нами: мой грязный подол, босые ноги и, без сомнения, растрепанные волосы.

Он, вздохнув, отводит взгляд и с раздражением потирает затылок, отчего его волосы становятся еще более взъерошенными. Затем, повернувшись в сторону, он берет что-то со своего стола и снова обращается ко мне.

– Тогда в знак примирения, – произносит он, и в его тоне сквозит нежелание.

Я смотрю на его протянутую ко мне руку, в которой зажат зеленый том с золотым тиснением. Это книга мистера Хэйвуда. Название гласит: *«Портрет Июня, Запечатленный в Утешении»*.

Я фыркаю. Понапыщенное название еще поискать.

Он придвигает книгу ближе ко мне.

Я перевожу взгляд с обложки на лицо мистера Хэйвуда. Его взгляд устремлен куда-то мне за плечо, словно он готов смотреть куда угодно, только не на меня. Я качаю головой.

– Нет, спасибо.

– Она ваша.

– Нет.

– Там ваше имя, – говорит он, наконец достаивая меня взглядом. – Я подписал ее для вас и все такое.

– Я не хочу ее.

– Она бесплатная.

– Я. Не. Хочу. Ее.

– Что ж, теперь она и мне не нужна. – Он наклоняется и кладет ее на мой стол, не отрывая от меня глаз, даже когда нависает некомфортно близко. – Разве что какой-нибудь Эд попросит экземпляр.

Я задерживаю дыхание, заставляя себя не отстраняться. Выдыхаю лишь тогда, когда он возвращается в прежнюю позу. С опозданием осознаю его слова.

– Эд? Что вы имеете в виду?

Его усмешка возвращается, и на этот раз в ней сквозит порочность.

– Это все, что я успел написать, прежде чем понял, кто вы.

Раздражение вскипает у меня в крови. Я поднимаю книгу со стола и эффектно встряхиваю ею перед ним.

– От этого книга становится еще менее моей. Меня зовут не Эд. Мне не нужна книга, подписанная кому-то по имени Эд. И уж точно мне не нужен экземпляр *вашей* книги в любом виде.

С возмущенным фырканьем утыкаю книгу ему в грудь, отчего он даже не шатается. Я отпускаю ее, и он судорожно

хватает книжицу, не давая упасть.

Я пользуюсь возможностью, чтобы уйти, и направляюсь к лестнице. Я почти у первой ступеньки, когда его голос скребет по моим ушам:

– А ты ничего не забыла, Эд?

Я никогда в жизни не чувствовала такого возмущения. Резко разворачиваюсь, готовая выпалить тысячу оскорбительных прозвищ, но слова застревают у меня в горле. Он все так же развалился на краю стола, его книга в одной руке. В другой он держит мои туфли, которые болтаются на его пальцах за шнурки.

Горький ком стыда подкатывает к горлу. Мало того, что этот нахал видел меня босой – теперь его руки осквернили мои туфли. Туфли, в которых я металась по всему городу, туфли, пропахшие потом...

Он смотрит на меня исподлобья, и его губы расплываются в издевательской ухмылке.

– Не отдам туфли, пока не заберешь книгу.

– Что ж, тогда оставь их себе на память! – Резко развернувшись, я босиком устремляюсь вниз по лестнице, вбивая в каждую ступеньку всю свою ярость.

Я тут же жалею о своем громком топоте, спустившись на первый этаж. Книжный магазин затих после автограф-сессии, и посетители, просматривающие полки, бросают на меня озадаченные взгляды. Я съеживаюсь, на моем лице засты-

вает извиняющееся выражение.

Оказавшись внизу, я не знаю, куда направиться. Мне хотелось бы найти свой багаж и более подходящую обувь, если это возможно. Или хотя бы мою саквояжную сумку, где лежит блокнот – я уже точно знаю, какую новую запись хотела бы в него внести.

Четырнадцать способов умереть в Фэйрвэйве: Версия Высокомерного Поэта-Фейри. О, какое же это было бы освобождение!

Я вспоминаю, как мистер Филлипс упоминал, что оставит мою сумку за стойкой, и направляюсь напрямик к сильфиде по имени Арвен. Она как раз заворачивает стопку книг в пергамент и перевязывает бечевкой – вероятно, готовит заказ для покупателя. Я неуверенно улыбаюсь ей, подойдя к стойке, и не знаю, как правильно обратиться. Она из тех фейри, у которых нет фамилии? Стоит ли представиться официально?

Она избавляет меня от необходимости решать эту дилемму.

– Как прошла автограф-сессия, мисс Дэнфорт?

– Прекрасно, – отвечаю я, поправляя очки скорее по нервной привычке, чем по необходимости. – Большое спасибо, что приняли меня. «Полет Фантазии» – восхитительный книжный магазин.

Я замолкаю, прикусив губу. Понимаю, что следует еще немного поддержать светскую беседу, но мне ужасно не тер-

пится получить свою сумку.

Следующий вопрос вырывается у меня торопливо:

– Вы не видели за стойкой саквояжную сумку?

Ее голубые волосы продолжают развеиваться под действием неощутимого мною ветерка, и я мысленно отмечаю, что стоит записать ее прекрасную внешность как возможное вдохновение для персонажа. Она качает головой.

– Мистер Филлипс, когда вернулся, отнес вашу сумку в подсобное помещение. Комната находится за той дверью, справа от кафе.

Я бросаю взгляд на часть книжного магазина, обставленную столиками и стульями. За одним из них сидит пушистый енот, который одной лапкой держит книгу, а другой попивает чай. В груди у меня загорается искорка возбуждения. Еще один фейри в неблагом облике! Во время автограф-сессии я видела лишь одного неблагого – медведя в цилиндре, который пришел к мистеру Хэйвуду.

Мое настроение тут же портится, когда я вспоминаю свою раздражающую перепалку с поэтом.

– Проводить вас? – предлагает Арвен.

Она все еще завязывает свой сверток, поэтому я качаю головой.

– Я отсюда вижу дверь. Спасибо.

Я направляюсь в дальнюю часть магазина, пытаюсь не пялиться на этого очаровательного енота-фейри, но безуспешно. Я так отвлекаюсь, что чуть не врезаюсь в один из столи-

ков. На этот раз я осторожнее обхожу его и приближаюсь к дальней двери.

– У Эдвины и правда нет против него ни единого шанса, да? – Голос приглушен слегка приоткрытой дверью, но я узнаю ровный женский тембр Дафны.

– Я бы не был так уверен, – отвечает мужской голос. Должно быть, это мистер Филлипс. – Сегодня только ее первый день. Думаю, народу придет больше, когда распространится слух, что она все же участвует в туре, а не пропала полностью.

Я сияю от его веры в меня. Тянусь к ручке, но замираю, когда Дафна снова начинает говорить.

– Да, но у него уже есть фора. Мистер Флетчер будет принимать решение на основе продаж во время тура, верно? Так Сэнди из отдела маркетинга говорила.

– Верно, – подтверждает мистер Филлипс, – и я действительно считаю, что по итогам общие продажи могут оказаться в пользу мистера Хэйвуда, если сегодняшняя явка окажется показательной для будущих встреч. Но здесь также есть элемент выбора с их стороны. Мистер Хэйвуд, возможно, не захочет издавать еще три книги стихов. Ты же слышала, как он рассуждает о своем *великом и преисполненном славы искусстве, которое нельзя ни принудить, ни укротить, но с которым можно лишь танцевать, подобно ветру и травинке*, или что он там еще бормочет.

Я бы порадовалась его насмешливому тону, если бы не

была так сбита с толку предметом их разговора.

Насчет какого решения моего издателя они говорят?

– Он выразил большую заинтересованность в публикации новых книг с «Флетчер-Уилсон», – говорит Дафна.

– Правда?

– Ты вообще хоть что-нибудь замечаешь вокруг?

– Когда приходится. – Я слышу улыбку в голосе мистера Филлипса. Затем он говорит более серьезно: – Возможно, мисс Дэнфорт не хочет жить в Фэйрвэйве.

Мое сердце замирает при очередном упоминании моего имени, но я в растерянности сильнее, чем когда-либо.

– Ей пришлось бы жить здесь? – спрашивает Дафна.

– Как минимум год. Это лучший способ использовать маркетинговый бюджет, который будет предусмотрен контрактом. Больше туров. Больше мероприятий. Кроме того, мистер Флетчер хочет, чтобы все последующие ее книги, которые мы издадим, были основаны на современном Фэйрвэйве и, следовательно, были фактически точны. Год исследований пошел бы ей на пользу.

– Вынуждена согласиться. Почему у всех в «Гувернантке и фейри» были клыки и они пили кровь? Неужели в Бреттоне именно так о нас и думают?

Я внутренне вздрагиваю. Дафна не ошибается насчет этой неточности. Но откуда мне было знать?

– Ты что, не знала? – раздается голос у самого моего уха.

Я подпрыгиваю так высоко, что удивлена, как это душа не

покинула тело. Поворачиваюсь и вижу за спиной Уильяма Хэйвуда. Как ему удалось так бесшумно подкрасться – понятия не имею.

– Что ты здесь делаешь? – Мой голос звучит как яростный шепот, пока я бесцеремонно толкаю его за руку, отодвигая от двери. Я не хочу, чтобы Дафна и мистер Филлипс знали, что я подслушала их разговор.

– А, так ты не знала. – Он и не думает шептать, как я.

– Не знала о чем? Что... что у фейри нет клыков? Это был творческий выбор, и я его отстаиваю...

– Контракт, – говорит он, и мой рот захлопывается. – Одному из нас предложат завидный контракт по результатам наших продаж во время тура. Только *одному* из нас.

Я хмурюсь.

– Не может быть. Мистер Флетчер говорил, что открыт для новых книжных предложений от меня, если они будут о фейри.

– Это не просто очередной контракт. Это соглашение на три книги с огромным авансом и мощной маркетинговой поддержкой в течение следующего года. Они еще никогда не предлагали подобного контракта и, осмелюсь сказать, не предложат снова, пока не проверят, оправдает ли он себя. Это предложение было в твоих руках, пока ты не опоздала и, можно считать, не провалила свой тур.

Я смотрю на него, и тошнота подкатывает к горлу при мысли о том, что мне почти предложили и что я, возможно,

уже упустила. Контракт на три книги. Маркетинговая поддержка. «Флетчер-Уилсон» – главный издатель в Фэйрвэйве. Если они предлагают уникальный контракт, это и вправду редкий шанс. И если то, что я подслушала, – правда, у меня будет возможность жить здесь, если его мне предложат.

Я не задумывалась, хочу ли я жить в Фэйрвэйве, но, поскольку у меня на родине меня почти ничто не держит, я не могу не восхищаться такой перспективой. Не говоря уже о том, что мой издательский аванс здесь стоит в десять раз больше, чем в Бреттоне, благодаря ужасающему курсу обмена. Я могу стать богатой!

И все же...

Контракт еще не мой.

– Теперь я тоже в числе кандидатов мистера Флетчера, – говорит он, озвучивая мои собственные мысли, и подмигивает. – Надеюсь, ты не станешь таить на меня обиду, когда я выиграю.

Возражения жгут мне грудь, но я по-прежнему слишком потрясена. Моим словам не хватает той язвительности, которой я жажду.

– Ты... ты не знаешь, что выиграешь.

– О, но я знаю. Мне это нужно. И я это получу.

Я фыркаю.

– Так вот о чем была твоя реплика о *конкуренции*? Потому что ты с самого начала видел во мне соперницу?

Уильям наклоняет голову и смотрит на меня снисходи-

тельно.

– О, Эд, тебе придется продать еще очень много книг, чтобы стать моей соперницей.

Не успеваю я отреагировать, как он поднимает палец, легонько касается моего носа и невозмутимо удаляется прочь.

Я сжимаю кулаки. У меня есть все намерения броситься за ним и высказать все, что я о нем думаю, когда задняя дверь открывается.

Мистер Филлипс резко останавливается.

– А, вы здесь. Автограф-сессия закончилась?

Дафна бесшумно выскользывает из подсобки следом за ним.

– Ты вообще когда-нибудь смотришь на свои карманные часы или они у тебя просто для красоты?

Публицист усмехается, а затем одаривает меня улыбкой с ямочками.

– Что ж, тогда... как насчет того, чтобы выпить и поужинать за счет бюджета тура от «Флетчер-Уилсон»?

Глава 5

Меньше всего мне хочется ужинать с моим новым заклятым врагом, но я не знаю, какие у меня альтернативы, если откажусь. Я все еще новичок в подобных ситуациях. Я никогда раньше не была в книжном туре, и у меня не было публициста. Мистер Филлипс, кажется, также выполняет обязанности менеджера тура, и если он отвечает за наш ночлег, питание и бюджет, то, наверное, лучше мне оставаться с ним. По крайней мере, до тех пор, пока я не почувствую себя достаточно уверенно, чтобы действовать самостоятельно.

По крайней мере, у меня есть собственные деньги благодаря щедрому авансу за «Гувернантку и фейри». Одиннадцать кошельков, полных одиннадцати различных валют – по одной для каждого из дворов фейри, – упакованы в мою саквояжную сумку.

Но... бюджет тура. Мне и правда стоит им воспользоваться, разве нет?

Ужин оказывается восхитительным, его подают в общей столовой уютной гостиницы, где мы остановимся. Я уже осмотрела свою скромную спальню и убедилась, что весь мой багаж прибыл. А значит, я снова обута.

Я так и не узнала, что мистер Хэйвуд сделал с моей неудобной парой, но в любом случае мне это уже безразлично.

Если бы только я могла избавиться и от него тоже. Бросаю на него злобные взгляды всякий раз, когда невольно встречаюсь с ним глазами через обеденный стол, но он остается совершенно невозмутим. Игнорирует меня, если не считать его досадливую усмешку. По крайней мере, мне не нужно с ним разговаривать. За нашим столом полно других, кто привлекает его внимание. Мистер Филлипс пригласил владелицу магазина, Арвен, присоединиться к нам, когда «Полет Фантазии» закрылся на вечер, и она привела с собой двух подруг, работающих в соседних лавках.

Я мало общалась с рабочим классом, если не считать посещения местной таверны, где люблю писать за кружкой эля.

Большинство моих других контактов сводятся к редким визитам в поместье моих родителей. Моя семья никоим образом не аристократична, но они богаты. Будь иначе, вряд ли они стали бы поощрять мое призвание писательницы.

Я средняя дочь среди шестерых детей, и все мои братья и сестры либо удачно женились или вышли замуж, либо преуспели в бизнесе, так что мне позволили некоторые свободы. Я живу в собственной тесной квартирке над мясной лавкой в городе. Пока я содержу собственный дом и не полагаюсь на семейные средства, на меня не будут давить с требованием выйти замуж.

Если бы я когда-нибудь вернулась в родовое поместье, меня, несомненно, принудили бы к браку, ведь в Бреттоне женщины считаются собственностью своих родителей, братьев или мужей даже в зрелом возрасте. Если только у них нет карьеры, как у меня, что не является обычным делом. Но я, незначительная средняя дочь, могу посвятить всю свою жизнь писательству.

И все же, сколь бы свободной я ни была, эта поездка показывает мне, насколько ограниченным был мой мир прежде. Не только потому, что я из Бреттона, или потому, что никогда раньше не встречала фейри или говорящих существ, но и потому, что я упускала совершенно обыденные вещи вроде ужина с владельцами лавок или ночлега в гостинице. Во мне клокочет возбуждение. Я знаю, что все, что мне довелось испытать, обогатит мое творчество.

После ужина столовая заполняется народом, атмосфера становится оживленной и беззаботной, поскольку напитки берут верх над едой. Воздух пропитывается запахами дыма и алкоголя, полнится смехом и болтовней. Мои коллеги отравились веселиться с незнакомцами, а я осталась сидеть одна за нашим столом, потягивая свою вторую пинту эля. На вкус он отличается от того эля, что я пила дома, но он восхитителен – свежий и бодрящий, наполняющий меня спокойной легкостью.

Именно это мне и нужно, чтобы не дать менее приятным мыслям поглотить меня. Издательский контракт. Обещание славы. Престиж, за который я боролась всю свою карьеру. Мысль о том, что, возможно, я уже упустила свой шанс. Мистер Хэйвуд явно превосходит меня в продажах. Сама Дафна сказала, что у него уже есть фора. Даже Монти заявил, что, скорее всего, к концу тура мистер Хэйвуд заработает больше, несмотря на его веру в меня. Если я не найду способ продавать больше книг, чем он...

Я прогоняю тревожные мысли прочь и съезжаю ниже в кресле, радуясь, что никто не обращает внимания ни на меня, ни на мою недостойную позу. Мой блокнот открыт на шуточной записи под названием *«Четырнадцать способов умереть в Фэйрвэйве: Иллюстрированное руководство»*. Я переделываю набросок блуждающего огонька, чтобы Седьмой способ умереть был более точным, как вдруг на страницу ложится тень.

В столовой и без того довольно темно из-за стен из темного дуба и скудных светильников, свисающих с потолка. Стиснув челюсти, я готовлю свой самый ядовитый взгляд и оглядываюсь через плечо. Конечно же, там стоит Уильям Хэйвуд с бокалом фиолетового вина в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.